

М. И. АРТАМОНОВ

НАДПИСИ НА БАКЛАЖКАХ НОВОЧЕРКАССКОГО
МУЗЕЯ И НА КАМНЯХ МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА

В Новочеркасском музее давно уже хранится баклажка с рунической надписью по верхнему краю ее лицевой стороны (рис. 1, а и б; рис. 2). Хотя надпись эта состоит не менее чем из 16 знаков, все попытки дешифровки ее оканчивались неудачей. Во время Великой Отечественной войны,

Рис. 1. Баклажка Новочеркасского музея
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

в мае 1942 г., в Новочеркасский музей поступила вторая такая же баклажка с надписью (рис. 3 и 4). Она была доставлена в музей политруком П. А. Ниловым с указанием, что находка сделана близ станицы Кривянской на глубине 1,5 метра. К сожалению, никаких других данных относительно условий этой находки неизвестно. По всей видимости, баклажка была обнаружена при рытье оборонительных рубежей.

Баклажки, на которых находятся интересующие нас надписи, — обычные сосуды для воды или кумыса, широко распространенные у

средневековых кочевников Причерноморья и Венгрии и в несколько измененном виде продолжающие бытовать до настоящего времени на Украине. В Новочеркасском музее имеется еще несколько подобных сосудов, но без надписей; есть они и в собраниях других музеев. К сожалению, сосуды этого рода почти не издавались.

Пожалуй, наиболее ранний экземпляр таких сосудов происходит из раннесредневекового слоя Мирмекия на Керченском полуострове. Он имеет вид каравай хлеба или, точнее, шарового сегмента. Баклажки Новочеркасского музея имеют форму низкого цилиндра, высотой не более 8 сантиметров при диаметре 30—35 сантиметров. Наружная, лицевая

Рис. 2. Надпись на баклажке Новочеркасского музея

поверхность их слегка выпуклая, противоположная — совершенно плоская. Они имеют довольно высокое узкое горло, находящееся на боку тела сосуда, и снабжены по сторонам горла ручками, которые, образуя довольно крутой перегиб, одним концом прикреплены к горлу ниже его края, а другим — к боковой поверхности тела сосуда. У первой из баклажек край горла отбит, зато у другой он сохранился удовлетворительно и заканчивается несколько расширяющимся сверху венчиком. У этой баклажки хорошо видно, что ручки прикреплены к горлу немного выше середины его высоты. Расходясь от горла, ручки затем плавным перегибом опускаются на узкие стороны тела сосуда. У другой баклажки перегиб у ручек несколько поднимается над уровнем прикрепления их к горлу. Обе баклажки сделаны на гончарном круге из хорошей глины и докрасна обожжены. Лицевая сторона первой баклажки украшена циркулярными линиями, прочерченными еще по сырой глине (рис. 1, а). На второй баклажке того же рода окружности нанесены буро-красной краской (рис. 3). Здесь круги усложнены узором из дуг, расположенных по третьей от края окружности и обращенных вершинами к центру.

Надписи на обеих баклажках прочерчены каким-то острием по обожженной поверхности и расположены одинаково по краю лицевой стороны — под горлом с ручками. Судя по расположению, едва ли могут быть сомнения в том, что читать их следует справа налево, рассматривая со стороны горла, т. е. относительно к нормальному положению сосуда горлом книзу, — низом вверх. Такие баклажки привешивались всадниками к седлу, и надпись удобно было рассматривать именно в этом положении или держа сосуд за ручку.

Основываясь на сопоставлениях некоторых деталей, формы и техники изготовления баклажек Новочеркасского музея с другими датированными сосудами, я считал бы возможным отнести их к IX—X вв., т. е. ко времени, когда еще продолжалось начавшееся в VII в. хазарское господство в степях юго-востока Европейской части СССР. Очевидно, тем же временем надо датировать и надписи на баклажках. Подтверждением указанной датировки может служить близко сходная баклажка, найденная в Подгоровском могильнике в погребении с инвентарем салтовского типа¹. Еще более сходная с новочеркасскими баклажка была найдена в могильнике Horgos и опубликована Хампелем². Она также украшена концентрическими кругами с полосами волнисто-линейного орнамента между ними. Могильник Horgos содержит погребения разного времени: наряду с захоронениями аварского периода здесь имеются и более поздние, относящиеся к X—XI вв. Интересующая нас баклажка, к сожалению, не связывается с определенным погребением и поэтому не может быть датирована по сопровождающим ее находкам.

Рис. 3. Баклажка из станицы Кривянской

Баклажки Новочеркасского музея в особенности интересны тем, что некоторые знаки в надписях на них сходны со знаками надписей, обнаруженных на стенах известного Маяцкого городища, находящегося при впадении в Дон реки Тихая Сосна. При раскопках стен этого городища, облицованных тесаными блоками мелового камня, Н. Е. Макаренко в 1909 г. с внутренней стороны юго-восточной стены, недалеко от въезда в крепость, в пятом снизу ряду кладки, т. е. примерно на высоте человеческого роста, открыл надписи, «вырезанные вглубь в один ряд, в горизонтальном направлении на двух камнях», но так, что между камнями с надписями находился еще один камень совершенно чистый³. Эти надписи были опубликованы Н. Е. Макаренко⁴.

Местоположение этих надписей свидетельствует, что они были вырезаны на готовой кладке стены и, очевидно, не относятся к строительным надписям, а являются памятниками людей, пребывавших в какой-то период времени внутри крепости, может быть, даже много позже ее

¹ Раскопки С. Н. Замятнина. Материал не опубликован.

² J. H a m p e l. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, т. III, Атлас, табл. 99; т. II, стр. 120.

³ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 21—22.

⁴ Там же, рис. 19—22.

сооружения. Датировка крепости как таковой, следовательно, может дать только terminus post quem.

Надписи того же рода были найдены при раскопках Маяцкого городища, и не *in situ*, а на камнях развалившихся стен. Один такой камень с надписью был найден Н. Е. Макаренко, а другой много раньше обнаружен Д. М. Струковым. Обе надписи на этих камнях изданы Н. Е. Макаренко¹.

Кроме того, на одном камне Маяцкого городища заметны следы, кажется, даже трехстрочной надписи, находящейся между изображениями двух лошадей, вырезанными, по наблюдению Н. Е. Макаренко, позже надписей², что, как мы увидим ниже, очень важно для датировки надписей.

В пяти опубликованных Н. Е. Макаренко надписях Маяцкого городища насчитывается не менее 16 различных букв, 12 из которых полностью соответствуют буквам на поночеркаских баклажках, что является вполне убедительным свидетельством принадлежности всех этих надписей к одному и тому же алфавиту и, возможно, к одному и тому же языку. Часть букв этого алфавита тождественна буквам тюркского орхон-енисейского письма, но некоторые буквы не находят там аналогий; только немногие из последних имеют соответствия в так называемых «печенежских» рунах Сент-Миклошского клада.

Кроме надписей, на камнях Маяцкого городища встречаются отдельные знаки, в том числе и типа тамг, и рисунки, по большей части изображения лошадей. Не только рисунки, но и знаки, как и надписи, вырезаны на лицевой стороне камней в кладке стен. Только в одном случае, в кладке фундамента здания, находившегося внутри крепости, замечен камень со знаками, прочерченными на верхней его плоскости, т. е., по всей видимости, еще в процессе строительства³. Однако знаки на этом камне не имеют соответствий в буквах надписей и поэтому не доказывают одновременности построек крепости с надписями на ее стенах.

В этом отношении большой интерес представляют указанные выше изображения, в особенности изображения лошадей. Некоторые из них вырезаны с высоким мастерством, и все они во всяком случае носят черты определенного стиля. В одной из своих прежних работ я уже сопоставлял изображения на камнях Маяцкого городища с изображениями на кирпичках хазарской крепости Саркел⁴. В настоящее время к этому можно добавить некоторые новые находки с изображениями того же типа. Сюда относится, например, замечательный рисунок, выгравированный на костяной трубочке, найденной в хазарском слое Левобережного цимлянского городища (Саркела).

Все это дает основания полагать, что изображения на стенах Маяцкого городища, так же как и изображения на кирпичках Саркела, относятся к хазарскому периоду, т. е. ко времени VIII—X вв. Маяцкое городище — памятник именно этого периода, и тот факт, что в указанном выше случае изображение лошадей на одном из камней этого городища было вырезано поверх надписи, свидетельствует, что и интересующие нас надписи относятся к той же поре, а не к более позднему, печенежскому времени.

Нахождение надписей и букв одного с ними алфавита в границах Хазарского государства (Саркел) дает достаточные основания к тому, чтобы

¹ Н. Е. Макаренко. Ук. соч., рис. 23 и 27.

² Там же, рис. 28.

³ Там же, стр. 16, рис. 12.

⁴ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.

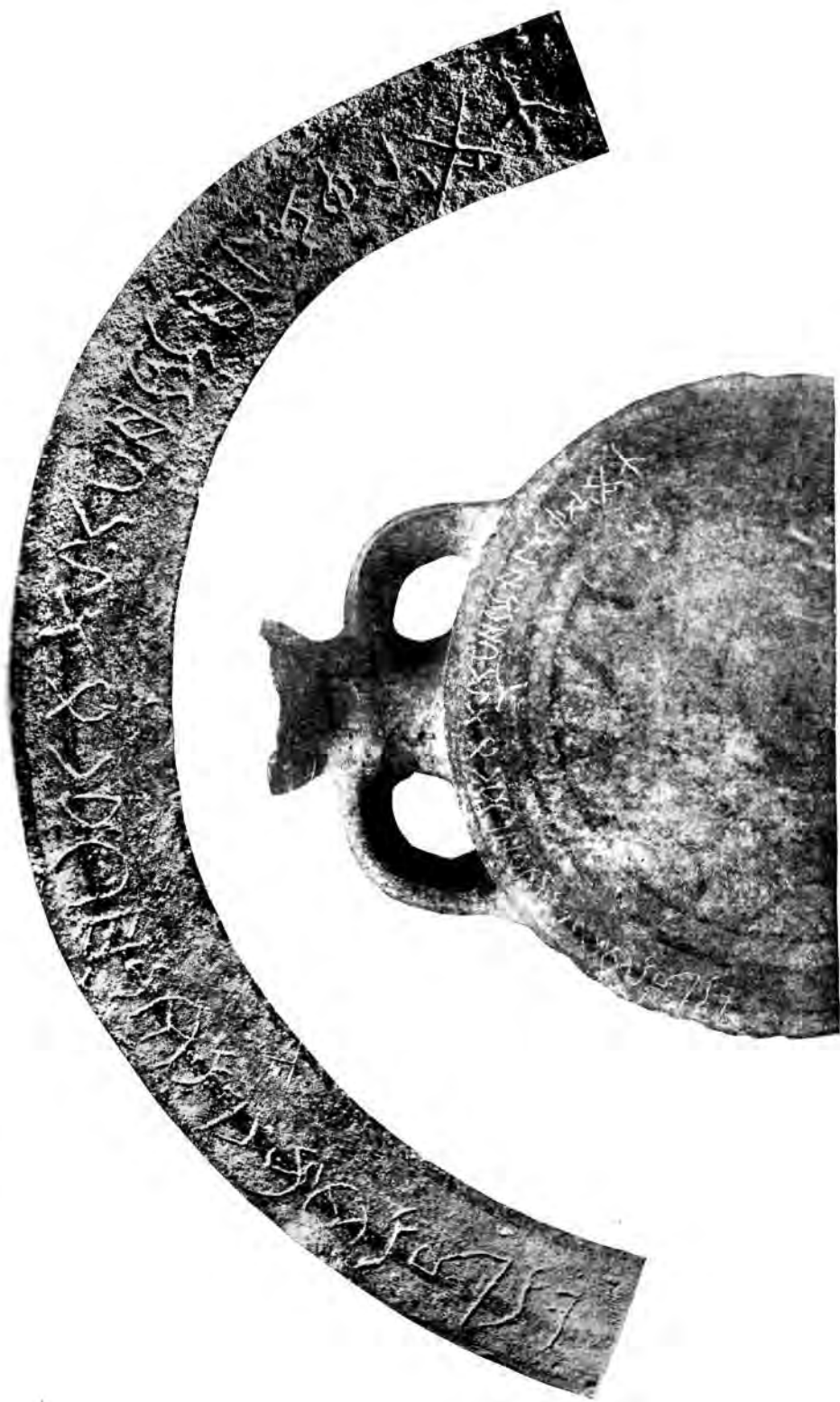

Рис. 4. Надпись на баклажке из станции Кривянской

видеть в надписях на камнях Маяцкого городища и на новочеркасских баклажках памятники не только хазарского периода, но и хазарского или болгарского языка.

О хазарском языке известно, что он сходен с болгарским¹, наличие в котором тюркских элементов общеизвестно. Попытка Немета выдать² болгарские надписи на сосудах Сеят-Миклошского клада за печенежские лишней раз свидетельствует о тюркском типе болгарского, а следовательно и хазарского языка. Опыт чтения надписей на камнях Маяцкого городища и на баклажках Новочеркасского музея А. М. Щербаком, как тюркоязычных, в свете вышеизложенных заключений заслуживает серьезного внимания.

С другой стороны, достигнутые им успехи представляют огромный интерес, в частности по спорному вопросу относительно этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, которую большинство исследователей считало аланской. В настоящее время к доводам против этого мнения прибавляются решающие данные о языке носителей этой культуры. Писали, а следовательно, и говорили они не на иранском, а на тюркском языке, хотя корни салтово-маяцкой культуры действительно уходят в сармато-аланскую среду.

Тот факт, что в хазарском, как и в болгарских языках, имеются финно-угорские элементы (например, в слове Саркел), ничего не меняет в изложенном заключении, так как известно, сколь велика была роль угорских племен в истории Восточной Европы, начиная с гуннского вторжения. В большей или меньшей степени отореченные угорские племена входили в состав гуннов, авар, болгар и хазар, которые не только покоряли, но с течением времени и ассимилировали большую часть старого иранского (сармато-аланского) населения степей Восточной Европы. Тюркские завоеватели навязали побежденным свой язык, но сами при этом оказались подчиненными местной культурой, более высокой, чем культура завоевателей.

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 85.
² J. N e m e t h. Die Inschriften des Schatzes von Nagi-Szent-Miklós. Budapest, 1932; N. M a v r o d i n o v. Le trésor protohulgar de Nagyszentmiklos. Archaeologia Hungarica, t. XXIX, Budapest, 1943, стр. 201.